

Актуальные процессы в славянском словообразовании

Русское словообразование в зеркале ЕГЭ

А. Г. Антипов, Е. Е. Рыбникова

Кемеровский государственный университет (Кемерово, Россия)

Языковая ситуация, словообразование, коммуникативные и языковые нормы русской лингвокультуры

Summary. The paper studies the active processes happening on the derivational level of the modern Russian language which is caused by democratization in all spheres of life and, as a result, causing violation of the established spelling norms. In the centre of attention there are texts used in the texts of Russian state exam fully and objectively reflecting the modern language situation.

Школьные сочинения обычно привлекают внимание русистов как оригинальный материал исследования динамики норм литературного языка, их речевой вариативности и особой аномальной выразительности. Действительно, какой ещё жанр дискурса может сравниться с письменной работой школьника в своей разнообразной палитре непреднамеренно комических уловок языка и стиля. Ср.: *Горцы в произведениях Лермонтовна всегда гордые, как пернатые орлы; Хороша русская поговорка — не лезь вперёд бабки в некло!* и т. п. Однако помимо спонтанных игровых практик работы учеников особенно интересны в лингвокультурном аспекте динамики языковой нормы.

Постмодернизм современных дискурсов, отличающий русский язык конца XX — начала XXI века, не только предопределил крушение норм официального языка новояза, но и привёл к рождению новых речевых стереотипов, на которые ориентируется в своём построении современный молодёжный дискурс. И если в советской России функции свободной, естественной речи выполняли произведения русской классической литературы, самиздат и разговорная речь, то теперь им на смену пришли новые речевые практики: различные типы медиадискурсов, народных форм письменной и устной речи (вроде граффити, жаргонов и сленгов). Эти функциональные зоны современного русского языка влияют на тексты ЕГЭ, и по ним можно проследить некоторые изменения, происходящие в русской лингвокультуре.

В сфере русского словообразования, например, известной нормой письменной медиаречи стало совмещение кириллицы и латиницы по образцу рекламных слоганов *«ВлиWля!»*. Это приводит к появлению слов-гибридов, мотивированность которых соотносит разные лингвокультурные традиции, например, субкультурных кодов молодёжной коммуникации, как в зафиксированном нами случае графогибрида *«челобрак»*: *Челобрак — это звучит гордо!* Подобные прецедентные высказывания, искажая каноническую русскую модель, довольно ярко иллюстрируют постмодернизм внутренней формы русского словесного знака. Иная ментальность и её роль в познании мира русскими уже не просто влияют на рождение новых стереотипов культуры, но способны влиять на структуру языка и в подвижных сферах нормы, и в инновационных сферах лексики, включая правила словопроизводства. Подобные примеры межкультурной коммуникации, разумеется, во многом сложны для экспертной оценки, однако само по себе их включение учащимися в экзаменационные работы свидетельствует о влиянии современных моделей речевого общения на языковое сознание.

Сохраняется продуктивность и аналитических конструкций как важнейшая динамическая тенденция функционирования структуры русского языка.

Отражение аналитизма в выпускных работах школьников охватывает случаи, типичные для молодёжного дискурса, с его особой экспрессивностью и смелой раскрепощённостью. Аналитичность структуры слова становится своеобразной фигурой речевого акта, как в номинации *«Супермегазажигалово»*: каждый из компонентов экспрессивной

внутренней формы слова усиливает в пред- и посткорневой части деривата образность мотивирующей семантики глагола *зажигать* в сленговом значении 'жечь / зажигать / отжигать на вечеринке'. Суперморфемный характер словообразовательной структуры подобных производных слов не противоречит структуре русского языка, экспансия подобных полиморфемных структур поддерживает появление аналитических многочленных конструкций, не характерных для структуры русского языка. На уровне слова эта закономерность ярко проявляется при создании поликорневых композитов неинтерфиксального типа (ср.: советское *Первомай* и новообразование *Миртрудмай*), а также при функционировании префиксов радикального типа: *«супер автор»*, *«супер роман»*, *«книга супер»*, *«мега супер произведение»* и др.

Речевое пространство новообразований ЕГЭ отражает инновационные сферы лексики в целом. Так, продуктивность потенциальной деривации требует самой осторожной экспертной оценки на шкале системно-нормативных или системно-ненормативных образований. От явных грамматических ошибок в сфере словообразования типа *«антисемист»* (*антисемит*), *«публицистка»* (*публицистика*), *«оптимичные»* (*оптимистичные*), *«богатойсть»* (*богатство*), *«читание»* (*чтение*) следует отличать системно-нормативные и системно-ненормативные потенциальные дериваты: *«барист»*, *«целеустремление»* (*целеустремленность*), *«упрямственность»* (*упрямство*), *«парадёр»* (*парадист*). В текстах ЕГЭ такие дериваты часто заполняют лексические лакуны номинативной системы русского языка, поэтому не могут не передавать творческий характер автора выпускной работы.

Как и нарушение грамматической нормы, потенциальное словообразование — это всегда некоторая тенденция, не всегда отражающая лингвистическую некомпетентность сознания. Более того, нарушения системных норм обусловлены моделью функционирования правил деривации. В частности, в приведённом выше примере *«публицистка»* отражается типологический для структуры современных индоевропейских языков процесс аффиксальной редупликации (наизывания аффиксов), являющийся базовым при формировании новых более выразительных деривационных суперформантов. В тексте такие форманты выполняют важные стилистические функции прагматической оценки ситуации, как это видно в оценочном контексте: *«Какая-то там публицистка!»* Примеры, подобные *«антисемист»*, связаны с ремотивацией заимствованной леммы, а образования типа *«парадёр»* объясняются конкуренцией словообразовательных моделей, обусловленной активностью иноязычного аффикса в производстве новообразований по модели *геймер, лужер*.

Рождение новых номинаций отражают и процессы деривационной игры, очевидные при создании окказионализмов. По нашим данным, в работах выпускников продуктивны все ведущие модели русской деривации окказиональных слов, произведённых с нарушением законов системной или эмпирической продуктивности словообразовательных типов. В нашем материале зафиксирован удивительный по своему зна-

чению для русской лингвокультуры окказионализъм «фашистская зверепостъ» (звери, свирепостъ), представляющий собой пример контаминации по конкретному образцу простого и производного слов. В структуре и семантике данной лексемы запечатлен образ целой эпохи, переданы те истинные ценности, по которым можно судить о преемственности поколений и сохранности чувств русской культуры.

За някои словообразователни особености при полипрефигираните глаголи в съвременния български книжовен език¹

А. Атанасова

Институт за български език „Проф. Любомир Андрейчин“ при БАН (София, България)

Словообразуване, полипрефиксация, полипрефигираните глаголи

Summary. The report examines the question whether the secondary prefixation of different meanings of motivating prefixed verb become with different prefixes, as it is in prefixation, or the secondary prefixation become with the same prefix in the same its importance.

Обект на изследването са полипрефигираните глаголи в съвременния български книжовен език. Целта на доклада е да се разгледа въпросът дали при вторична префиксация различните значения на мотивиращия префигиран глагол могат да се полипрефигират с различни представки, както е при префиксацията, или повторната префиксация става с една и съща представка в едно и също нейно значение. Наблюденията са направени върху база данни от около 2680 полипрефигираните глагола, извлечени от „Български тълковен речник“ и допълнени от „Честотния списък на глаголите“, ресурс на Секцията по компютърна лингвистика в Института за български език при БАН.

В езиковедската литература е утвърдено мнението, че глаголната полипрефиксация представлява процес на прибавяне на представка към глагол, в чийто състав вече има поне един префикс (вж. напр. [Леков 1958], [Андрейчин 1978], [Деянова 1974], [Ройзензон 1974], [Маслов 1982], [Грамматика 1998]). В съответствие с тази дефиниция в доклада се приема, че полипрефигираните глаголи са такива глаголи, които съдържат в морфемната си структура две (и повече) представки. Те се образуват от глаголни основи, които от своя страна са девербални (*понаглеждам, преизбирам, доизбървам*) и десубстантивни (*разочаровам, повъзмъжавам, попрещявам*), а в редки случаи от субстантивни (*оповестявам, успокоявам*) и от морфологично свързани основи (*възприемам, сполуча, съприкосновявам се*). Глаголи, които от формална гледна точка имат две представки, но са образувани от префигирана именна основа, напр. *обезцветя, вразумявам*, не се разглеждат като полипрефигираните.

Представките, които участват при образуване на производни полипрефигираните глаголи в съвременния български книжовен език, са: *въз-, до-, за-, из-, на-, над-, о- (об-), по-, под-, пре-, пред-, при-, про-, раз-, с- (съ-), у-*.

Изходно за изследването на материала от ексерпиранията база данни е съществуващото в българистиката мнение, че при префиксация различните значения на даден изходен глагол могат да се префигират с различни представки (вж. напр. [Пернишка 1985], [Халачева 1999 / 2000]). Анализът на полипрефигираните глаголи обаче показва, че различните значения на мотивиращия префигиран глагол се полипрефигират с една и съща представка в едно и също нейно значение за разлика от префиксацията. В резултат от това част от произвеждащите префигираните глаголи участват при последваща префиксация с всичките си значения, като в този случай полисемията на мотивиращата основа се запазва при полипрефиксация. Например при полипрефигираните глаголи *попресея, попресеявам* със значение ‘пресеявам малко’ мотивираща основа е префигираният глагол *пресея*, който има слените значения: ‘1. сея, прекарвам през сито; 2. правя подбор, отделям лошото, ненужното от доброто, необходимото’. В състава на полипрефигираните

глаголи, пострадали в историята на държавата и съдбата на човека.

Такъв образ, съдържание на текстове ЕГЭ по рускому не само дават определено срез на руската речова култура, но и предоставяват бесценни данни за функционирането на системата на езика и комуникативната компетентност на руската езикова личност.

глаголи представката *по-* функционира със семантика ‘извършване на действието в слаба степен, в малко количество’ (за значенията на представките вж. [Атанасова 2011]). С това значение *по-* може да свърже и с двете значения на произвеждащия префигиран глагол.

Друга част от префигираните глаголи обаче при последваща префиксация с една и съща представка в едно и също нейно значение участват само с някои от значенията си. В този случай полисемията на произвеждащата основа се редуцира при полипрефиксация. Например при полипрефигираните глаголи *насъборя, насъбарям* със значение ‘събарям много, мнозина или всички’ мотивираща основа е префигираният глагол *съборя*, който има следните значения: ‘1. с бутане, тласкане, дърпане правя нещо или някой да падне; катурвам; 2. разрушавам; 3. смъквам, свалям от власт’. Префиксът *на-* със семантика ‘засягане на много, всички обекти от действието може да се съчетае семантично само със значения 1. и 2. Значение 3. не може да се комбинира със семантиката, носена от представката *на-*. Също така това значение не се комбинира с друга представка или с друго значение на представката *на-*, т. е. то не подлежи на последваща префиксация. Тук за разлика от предходния случай полисемията на мотивиращата основа се редуцира. Причина за това е невъзможността за нова семантична комбинаторика, на базата на която да се осъществят полипрефиксацията.

Анализът на ексерпиранията материал показва, че при полипрефиксация различните значения на мотивиращия префигиран глагол не се полипрефигират с различни представки за разлика от префиксацията. Вторичната префиксация става с една и съща представка в едно и също нейно значение, като в част от случаите полисемията на мотивиращата основа се запазва, а в други — полисемията на мотивиращата основа се редуцира.

Литература

- Андрейчин Л. Основна българска граматика. София, 1978.
 Атанасова А. Полипрефигираните глаголи в съвременния български книжовен език. Дисертация. София, 2011.
 Български тълковен речник. София, 1997.
 Грамматика на съвременния български книжовен език. Част II. Морфология. София, 1998.
 Деянова М. Към вторичната префиксация на българските глаголи // Български език. № 6. С. 501–513.
 Леков Ив. Словообразователни склонности на славянските езици. София, 1958.
 Маслов Ю. С. Грамматика на българския език. София, 1982.
 Пернишка Е. Лексикографски проблеми, свързани с производните глаголи // Славистичен сборник. София, 1985. С. 304–312.
 Ройзензон Л. И. Многоприставочные глаголы в русском и других славянских языках. Самарканд, 1974.
 Халачева Св. За семантичната структура на префигираните глаголи // Български език. 1999 / 2000. № 6. С. 61–62.
 Честотен списък на глаголите: [http://dcl.bas.bg/interesting_bg.html].

¹ Изследването е проведено с частичната финансова подкрепа на Фонд „Научни изследвания“ на Република България, договор ДТК 02/52 от 2009 г.

Словообразователна активност на форманти със значение ‘следходност’ в съвременния български книжовен език

Цв. Георгиева

Институт за български език „Проф. Любомир Андрейчин“ при БАН (София, България)

Иновации, префиксация, формант, субстантиви, адективи

Summary. Object of attention in the report are the innovations in the Bulgarian language in the substantives and adjectives formation with *post-*, *neo-*, *re-* and *pre-*. It is represented the specifics prepositional morphemes, their productivity and their paradigmatic relations with other formative components.

През последните години един от най-активните начини за създаване на нови единици в българския език е именната префиксация. Затова и вниманието в доклада ще бъде насочено към такива субстантивни и адективни деривати, образувани след 1990 г. в българския книжовен език. Те са най-нов градивен елемент на препозитивната именна подсистема, разглеждана като част от словообразователната система на езика, в която основен организиращ компонент е словообразователният формант.

Сред препозитивните морфемии, които проявяват най-голяма активност при създаване на нови номинативни единици, са формантите със значение ‘следходност’. Групата е нееднородна и включва освен основните темпорални препозитивни морфемии **post-** и **neo-** и префиксите **re-** и **pre-** с уточнението, че последните два форманта ще бъдат разглеждани заедно с първите поради наличието на признака ‘следходност’ в основното им значение ‘повторност’.

С изключение на *neo-*, с който се образуват само субстантиви (новите адективи с него са суфиксални деривати, срв.: *неокомунистически* — ‘който е присъщ на неокомунисти’ в *неокомунистическа формация*), всички останали форманти са градиво и при субстантиви, и при адективи.

Префиксът **post-** освен значение ‘следходност’ имплицитно съдържа и семантичния компонент ‘различност, нетъждественост’. През последните години той развива бързо словообразователна активност в българския книжовен език и измества домашния еквивалент *след-*, с който се образуват само адективи. Новосъздадените названия с формант *post-* са предимно от областта на политическата и икономическата сфера, като обозначават период след посочения от пълнозначния компонент, например *комунизъм* — *посткомунизъм*, докато с префикса *след-* се образуват предимно производни, които посочват признак, отнасящ се до период, който следва по-малко значими и по-краткотрайни събития (*слединдустриален*, *следконфликтен*, *следоперативен*). Това е причина да се говори за ‘тенденция към определено разпределение на тези префикси’ [Земская и др. 1998: 298].

Латинският по произход формант *post-* участва в създаването на субстантиви, които не се отнасят само до терминологичната сфера — факт, който е непознат за периода преди началото на 90-те год. на ХХ в. (напр. *посттоталитаризъм*, *посткомунизъм*, *посткомунист*).

Гръцкият по произход компонент **neo-** е причислен към формантите с *темпорално* значение, тъй като с него се създава възможност за изразяване на релации, свързани с

категорията време. За възможността за изразяване на темпорални релации с този формант посочва и Инг. Онхайзер [Онхайзер 2003: 336]. Основният му семантичен признак е ‘следходност’, а уточняващият — ‘новост’. Формантът се присъединява както към абстрактни съществителни, завършващи на *-изъм* (*неокласицизъм*, *неокомунизъм*, *неолиберализъм*, *неофашизъм*), така и към конкретни съществителни — предимно лица, които са привърженици, последователи на някаква концепция, теория (*неоезичник*, *неоконсерватор*).

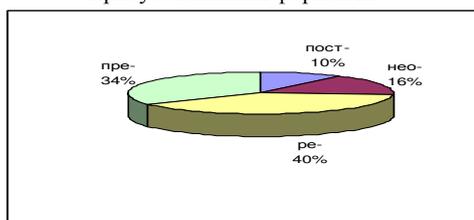
Префиксът **re-** е носител на значението ‘повторност’, в чиято основа лежат два семантични признака — *темпоралност* (*следходност*) и (*възобновяване* на вече разрушеното. Нараства тенденцията с форманта *re-* да се образуват процесуални субстантиви без наличието на изходен глагол, което е предпоставка за неограничено словопроизводство на именни деривати с този префикс (срв. *ребалканизацията* ‘нещо (някакъв процес), което е повторна балканизация’, *реваксинация* ‘нещо (някакъв процес), което е повторна ваксинация’). Възможно е впоследствие да се появи глагол, което ще бъде вторично явление. Продължава тенденцията с форманта да се създават съществителни, които имат терминологичен характер.

Освен префикса *re-*, в българския език съществува и друг формант с признака ‘повторност’ — **pre-**. Ако с *re-* се посочва *възстановяване* на нарушената цялост чрез постигане на *близост*, *сходство*, *тъждество* с предходното, назовано от пълнозначния компонент, то с *pre-* се маркира *създаване* (*генериране*) на нова променена, т. е. *различна* реалия. Префиксът *re-* се прилепва най-често към субстантиви със суфикс *-аци(я)*, докато *pre-* — към субстантиви със суфикс *-не* (напр. *преакредитиране*, *предоговаряне*, *преинсталиране* и др.). Съвременното състояние на езика сочи, че препозитивната морфема *pre-* е много по-активна при образуване на субстантивни деривати, отколкото на адективни.

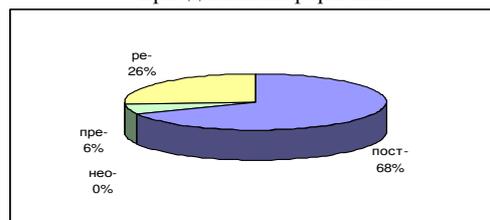
Като иновация могат да се определят и случаите, при които словообразователният формант се присъединява към първия компонент от многолексемно атрибутивно наименование, но смислово се отнася до цялото съчетание. Такива формации се създават с препозитивните морфемии *post-* и *re-* (напр. **post-** + *югославска* действителност, **re-** + *финансиращ* план).

Най-продуктивен при образуването на субстантиви в разглежданата група е формантът *re-*, а при образуването на адективи — *post-*.

Продуктивност и фреквентност на формантите със значение ‘следходност’ присубстантивни форманти

приадективни форманти

Литература

Земская Е. А., Ермакова О. П., Рудник-Карватова З. Активные процессы в словообразовании современных славянских языков (на материале русского и польского языков) // Славянские языкознание. XII Международный съезд славистов. Краков, 1998 г. До-

клады российской делегации // Отв. ред. О. Н. Трубочев. М, 1998. С. 296–311.

Онхайзер И. Удельный вес частей речи // Komparacja współczesnych języków słowiańskich 1. Słowotwórstwo Nominacja. Opole, 2003. С. 319–338.

¹ Изследването е проведено с частичната финансова подкрепа на Фонд „Научни изследвания“ на Република България, договор ДТК 02/52 от 2009 г.

Словообразование как средство реализации коммуникативного потенциала слова в СМИ Украины

Д. В. Дергач

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко (Киев, Украина)

Словообразование, коммуникация, средства массовой информации, колоративы

Summary. The paper deals with the problem of dynamic status of colornames, used in mass-media style, their role and influence on the evolution of literary language.

В современном языкознании широкое распространение получило исследование коммуникативных возможностей языка с точки зрения функционального потенциала его единиц, что последовательно отражается в новых подходах к процессам неосемантизации, неологизации и др.

Анализируя различные сферы функционирования языка в СМИ, можно наблюдать реализацию динамического ресурса лингвальных знаков, обусловленного их природой и трансформациями структуры или значения. Названная проблематика развивается в словообразовательном дискурсе, который сосредоточен на процессах эволюции языка и его единиц (формальной, функциональной, семантической). В последнее время подобные аспекты активно разрабатываются в научных лингвистических исследованиях, посвященных природе лексико-семантического словообразования и его влиянию на коммуникативные и функциональные характеристики языка. Сегодня в филологии в качестве первоочередной задачи выдвигается решение проблем, касающихся экспрессивного потенциала слова, семантическая деривация рассматривается в аспектах неологического, окказионального развития значения слова, исследуется влияние результатов названных процессов на характер языка, его перспективу и эволюцию.

Показательно, что вышеперечисленные тенденции динамики языковых средств отображаются в СМИ, где вербализируется массовое языковое сознание и отображается функциональный ресурс слова. Соответственно, углубляется и лингвистический ракурс исследования психо- и социолингвистики, а также нейролингвистических технологий.

Исходя из названных позиций, актуальным и перспективным считаем изучение лексико-семантического потенциала цветоименований в украинских СМИ, динамическую реализацию возможностей деривации в новых формах колоративов, которые можно считать следствием интеллектуальной эволюции литературного языка.

Языковой ресурс медийных колоративов присутствует в разных стилистических конструкциях, структура и функции которых демонстрируют полисемантическую природу цветовой лексики, мотивируют активную реализацию в СМИ дополнительных коннотативных оттенков основного значения цвета для атрибуции объектов и явлений национальной культуры.

В результате исследований функционального ресурса колоративов в массовой информации, было определено, что в процессе словообразования наиболее часто трансформируются значения цветových наименований *білий, чорний, червоний, зелений, синій*. Известно, что названные цвета являются базисными для разных национальных лингвокультур, однако констатируем факт частого переосмысления семантики с точки зрения специфики атрибуции актуальных для каждого языкового пространства объектов. Это непосредственно связано с тем, что сфера массовой информации отображает сознание коллектива. В таком случае семантическая игра с колоративами мотивируется коммуникативно и имеет ярко выраженную функционально-стилистическую маркированность. Так, традиционное восприятие цвета, реализованное в функции первичной номинации определенных характеристик объекта, в СМИ часто изменяется, что объясняется социальными, политическими, культурными, научными и другими факторами развития национального пространства. К примеру, традиционными являются конструкции *білий сніг, жовте колося, зелене листя, червона калина, червоне яблуко, червоний мак, синє море* и др.,

в которых отображается реальная цветовая доминанта явления. В то же время в текстах СМИ достаточно часто используются и словосочетания, основанные на ассоциативных связях в семантике. Например, *червоний, білий, синій, помаранчевий, зелений* цвета в массовом языковом сознании соотносятся с определенной политической партией, ее атрибутами и связанными с ними событиями (*червоний терор, червоний протест, червона сокира, біла революція, помаранчева революція, біло-червона опозиція, біло-синій уряд* и др.).

Также в текстах масс-медиа часто встречаются и другие метафорические конструкции, в семантике которых переосмысливаются характеристики объекта в аспекте их корреляции с основными задачами коммуникации. В таком случае акцентируется внимание на видоизменении значения: *отримати жовту / червону картку — мати жовту / червону майку лідера; зелене світло / зелена вулиця — червоне світло; світлий погляд / світла посмішка — чорна / темна душа, темна аура* и др. Такие функциональные антонимические пары углубляют природу традиционных противопоставлений, заложенных в семантике колоративов *білий / чорний, світлий / темний* и др.

Не менее репрезентативными для сферы массовой информации можно назвать и функциональные перифразы, наиболее тесно связанные с вербализацией индивидуально-господствующего сознания, влияющего на языковое сознание коллектива. Основным показателем этого процесса считается закрепленность таких словосочетаний в различных типах массовой коммуникации: *Червона планета, Зелений континент, Чорний континент, блакитне паливо, чорне золото* и др. Часто в подобных случаях используется более широкий контекст, который и определяет семантические и функциональные характеристики цвета, связанные, как правило, с реализацией его эмоционально-экспрессивного потенциала: *білі мухи (літають білі мухи; білі мухи в голові), біла смерть* (в значении 'сахар' или 'соль'), *білий як смерть, блідий як смерть* ('бледный') выступает в функции номинации цвета), *жовтий як чума, коричнева чума* (фашизм), *чорний вівторок* (атрибуция 11 сентября 2011 г. — трагического дня в истории США), *чорний понеділок* (в англоязычной традиции — разговорная форма названия понедельника — первого дня после каникул) и др.

Среди перспективных моделей семантико-синтаксической деривации, используемых в СМИ, можно назвать и устойчивые в традициях литературного языка фразеологизмы: *Білий дім, сірий кардинал, чорний генерал, чорний лебідь, білий лебідь, біла ворона, білий янгол, зелені берети* и др.

Актуальной мотивацией введения различных колоративов в медийный текст является знаковый для современного мира фактор социальной моды на цвет, который в свою очередь расширяет цветовую палитру сферы СМИ и функционально-стилистическую парадигму отдельно взятых цветоименований: *червона доріжка, червона ікра, рожевий слон, рожеві окуляри, рожевий гламур, біло-фіолетова королева, білий лімузин, чорний бумер* и др.

Таким образом, словообразовательный ресурс лексических единиц активно реализуется прежде всего в динамике их семантики, эволюция которой должна быть интерпретирована историей разных культур и традиций. Осмысление экстралингвистических характеристик этого явления, в частности колористики, используемой в сфере массовой информации, свидетельствует о доминантной функции названного влияния на языковое сознание нации.

Словообразовательный потенциал инновационной лексики и его реализация в языке газеты (на материале русского и украинского языков)

Н. Ф. Зайченко

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко (Киев, Украина)

О. Л. Паламарчук

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко (Киев, Украина)

Язык газеты, словообразовательный потенциал, неологизация, инноват

Summary. The paper deals with some problems of activation of neological processes in Russian and Ukrainian languages from the aspect of speech-language interaction. We study the specific and general features of the implementation of the formative potential of semantic neologisms in a language.

Активизация неологических процессов в русском и украинском языках последних десятилетий сопровождается не менее активным интересом лингвистов к изучению динамических аспектов синхронной дериватологии. Богатейший материал для таких изысканий, наряду с новейшими средствами массовой коммуникации, по-прежнему предоставляет язык газеты. В этом смысле параллельное издание ряда газет в Украине на украинском и русском языках расширяют, безусловно, возможности исследования различных аспектов, связанных с функционированием новообразований в газетной речи, выявления закономерностей протекания неологических процессов в обоих славянских языках с точки зрения дихотомии «язык — речь» в том числе.

Предметом нашего исследования выступают особенности реализации словообразовательного потенциала лексем *майдан* и *оранжевый* в их новых, общественно-политических значениях. Материалом для анализа послужила достаточно репрезентативная выборка инновационных дериватов указанных слов (общим числом более 60 единиц) из ряда газет, выходивших в Украине на украинском и / или русском языках в 2004–2011 гг.

Объединение с целью анализа слов, имеющих различную частеречную принадлежность и тематическую (лексико-семантическую) отнесенность, не случайно. С одной стороны, обе единицы стали лексическими доминантами последнего десятилетия, «перешагнув» территориальные границы, а с другой — в своих неологических значениях, как показали результаты исследования, они демонстрируют много сходства в процессах узуальной и окказиональной деривации, в реализации словообразовательных возможностей языка как системы в конкретном продуцировании номинативно-экспрессивных средств носителями обоих языков. Специфика первичной семантики каждой из рассматриваемых единиц (предметное имя существительное *майдан* и прилагательное — цветообозначение *оранжевый*, укр.

помаранчевий, оранжевий) в значительной мере снимается при переходе их в семантическое поле «общественно-политические отношения» благодаря приобретению обобщенно-абстрактного значения. Закономерным результатом таких трансформаций явилось сходство некоторых явлений, наблюдаемых в формально-деривационном и семантико-словообразовательном планах, в частности, таких, как:

- превалирование в обоих случаях морфологических способов словообразования, эллиптической субстантивации (безаффиксного словопроизводства) в том числе *майдан-ные, майдан* (укр.); *оранжевые, помаранчеві, оранжеві* (укр.); *супермайданный, супероранжевий, майданизация, оранжизм* и под.;
- высокая продуктивность заимствованных дериватов наряду с использованием синонимичных им аффиксов и аффиксоидов, исконных для русского и украинского языков;
- сближение отдельных видов слово- и основосложения с аффиксацией (*майданостоятели, майданники, майданцики, помаранчоголові, помаранчеві*);
- избирательность в использовании имеющихся в обоих языках деривационных ресурсов, тенденция к смысловой дифференциации семантически близких типов;
- обновление и развитие отдельных словообразовательных моделей, находящихся в том числе на периферии деривационной системы, что приводит к расширению круга производящих основ (укр. *майданникувати — байдикувати, бити байдики*);
- высокая степень идиоматичности отдельных окказиональных инноватов (*майдауны, укр. оранжюїди* и др.)

В свое время Э. Косериу, говоря о процессах неологизации, высказал мнение о том, что «слова-ключи» скорее характеризуют эпоху, чем собственно язык. Результаты нашего анализа позволяют, по меньшей мере, усомниться в абсолютной правильности этого утверждения.

Связанные основы иностранного происхождения в образовании словосложений в современном сербском языке

В. Йованович

Университет в Белграде (Белград, Сербия)

Связанные основы, словообразование, лексическое содержание, лексикографическая дефиниция

Summary. This paper will analyze compound words with related basis of foreign origin, their word formation, meaning and use in communication.

Доклад посвящен словообразовательному и лексикологическому анализу сложных слов, содержащих в своей структуре связанные основы иностранного происхождения, являющиеся словообразовательными элементами прежде всего в первой части сложного слова, например: *аеро-* (*аеро-клуб, аеромитинг*), *нарко-* (*наркоанализа, нарко-тест, нарко-бос*), *гидро-* (*гидроэнергетика, гидроизвиђач, гидроизолација, гидропилот*), и реже — во второй части, например: *-дром* (*аеродром, тенкодром, хелиодром*), *-ман* (*гркоман, мачкоман, морфиоман, скрибоман, франкоман*) и т. д. Связанные основы иностранного происхождения проникли в сербский

язык в процессе глобализации и интернационализации культуры и общества, происходящем в современном мире. Эти процессы осуществляются во всех славянских языках. В докладе также подчеркивается важность лексикографической дефиниции как модели словообразовательного парафраза, при помощи которого устанавливается, выступает ли заимствованный элемент в виде самостоятельной лексемы, как, например, лексема *аеро-* (< ‘воздух’) или *аеро-* (< *аеро-дромски*), либо представляет собой связанную или усеченную основу, как, например, в лексемах *аерометар, аеро-механика, аерочвор, аерорејон* и т. д.

Глаголы и имена действия с заимствованной основой в современном русском языке

А. К. Казкенова

Казахский национальный педагогический университет имени Абая (Алматы, Казахстан)

Русский язык, глагол, имя действия, иноязычное заимствование, словообразование

Summary. In the report are considered the basic types of correlation of verbs and names of action with the borrowing basis in modern Russian language. The analysis of these units is realized in the context of cooperation of borrowing and word-formation as methods of linguistic nomination.

0. В докладе представлена попытка установления соотношения между глаголами и именами действия с заимствованной основой в современном русском языке. Очевидно, что это соотношение значительно отличается от корреляции между словами с исконно русскими основами, для которой сформулировано следующее правило: «в парах «глагол — существительное, обозначающее действие по этому глаголу»... независимо от количества вычленяемых в основах звуковых отрезков, мотивированным признается существительное, поскольку значение действия... является общим значением глагола... но не существительного» [Русская грамматика 1980: 133].

Среди глаголов и имен действия с заимствованной основой представлены как собственно заимствованные, так и производные единицы, а также те, которые демонстрируют пересечение («нейтрализацию») внутриязыковой и межъязыковой мотивированности.

Различный номинативно-деривационный статус данных единиц обусловлен различными факторами. Среди них особо следует отметить подобие взаимосвязи иноязычного прототипа и заимствования мотивационным отношениям (мы попытались обосновать целесообразность использования термина «межъязыковая мотивированность» [Казкенова 2003]). Сходство столь различных на первый взгляд языковых отношений объясняет возможность их пересечения, когда на синхроническом уровне различие между заимствованным и образованным внутри языковой системы элементами фактически перестает быть релевантным.

Кроме того, в русском литературном языке сложились модели сочетаемости иноязычных основ с определенным кругом грамматических (глагольных и именных) показателей, нередко также иноязычного происхождения: *-ова-, -ирован-, -изирован-, -изова-, -фицирова-; -ація-, иція-, енција-, -циј-* и т. д. (о «взаимном тяготении» заимствованных слов и аффиксов» см. [Улуханов 2010: 180, 209]). Поэтому даже в случае появления слова в результате деривационного процесса точное определение его статуса в русском языке бывает достаточно осложнено.

2. Как нам представляется, можно выделить несколько типов корреляции глаголов и имен действия, имеющих заимствованную основу (на первом месте находится исходная / мотивирующая единица, а на втором — производная / мотивированная).

- 1) Заимствованный глагол ↔ имя действия как «точка пересечения» внутриязыковой и межъязыковой мотивированности (ср.: *ликвидировать* — *ликвидация*, *ажитировать* — *ажитотаж*). Имя действия обладает двояким статусом: по сути, оно может квалифицироваться и как заимствование, и как производная единица. Это, в частности, подтверждает и одновременная фиксация подобных единиц в словарях иностранных слов и в словообразовательных словарях русского языка. Продолжая поиск аналогий между мотивированностью внутриязыковой и межъязыковой, можно сказать, что в этом случае понятие множественной мотивированности предельно расширяется.
- 2) Заимствованный глагол → производное имя действия (ср.: *рефинансировать* — *рефинансирование*, *тестировать* — *тестирование*). Статус производной единицы «поддерживает» суффикс абстрактного существительного в составе морфемной структуры имени действия.
- 3) Заимствованное имя действия ↔ глагол как «точка пересечения» внутриязыковой и межъязыковой мотивиро-

ванности (*прогресс* — *прогрессировать*, *прогноз* — *прогнозировать*). Как и для 1-ого типа, но теперь относительно глагола можно констатировать двоякий номинативно-деривационный статус.

- 4) Заимствованное имя действия → номинализованная конструкция, нередко компенсирующая собой отсутствие однословной глагольной лексики (ср.: *менеджмент* — *осуществлять менеджмент*). Данный тип соотношения подчеркивает в целом большую самостоятельность заимствованных существительных, в отличие от обычных абстрактных имен, образованных в русском языке с помощью русских суффиксов.
- 5) Заимствованное имя действия → производный глагол, заполняющий собой лауну, но характеризующийся разного рода ограничениями в использовании (ср.: *лизинг* — *лизинговать*, *аудит* — *аудить*). Производные глаголы подобного типа, демонстрируя продуктивность данного словообразовательного типа, тем не менее ограничены в своем употреблении сферами просторечия, жаргонов, разговорной речи.

3. Как видим, описание глаголов и имен действия, обладающих заимствованной основой, показывает, что направление мотивированности «глагол → имя действия» может в этой группе слов не соблюдаться: среди указанных корреляций имеются как те, где глагол является исходным / производным словом, так и такие корреляции, где исходным является имя существительное, обозначающее отвлеченное действие. По-видимому, возможность нарушения направления мотивированности обусловлено непродуцируемостью исходного слова — имени действия. Таким образом, непродуцируемость как структурное свойство слова входит в противоречие с семантикой отвлеченного действия у имен существительных с заимствованной основой.

4. Типы соотношения глаголов и имен действия показывают, что иноязычное заимствование и словообразование могут вступать в отношения «дополнительной дистрибуции», взаимно компенсируя те или иные ограничения внутри каждого из данных способов номинации (см., например, 2-й и 5-й типы). Однако они нередко конкурируют между собой, что проявляется и в конкуренции указанных типов:

- а) так, в группах слов типа *секвестрировать* — *секвестр*, *секвестрирование* обнаруживается конкуренция между 1-м и 2-м типами;
- б) в группах слов типа *контроль* — *контролировать*, *осуществлять контроль* — конкуренция между 3-м и 4-м типами;
- в) в группах слов типа *аудит* — *аудировать*, *аудить* — конкуренция между 3-м и 5-м типами соотношения.

Тем не менее в ходе развития языка стадия сосуществования конкурирующих вариантов может смениться вытеснением одного из элементов (ср.: *вызывать ажитотаж* и *ажитировать*) либо их семантической и / или стилистической дифференциацией (ср.: ряд *саботаж*, *саботировать*, *саботирование*). Слово *саботирование*, имея помету «сущ. к саботировать», не приравнивается, например, в [ССРЛЯ 1962], [Скляревская 2008] и др. словарях, к слову *саботаж*. Наличие и функционирование производного слова *саботирование* способствует дифференциации лексических значений близких слов и развитию у них индивидуальных особенностей сочетаемости (так, слово *саботирование* гораздо чаще входит в сочетания с формами родительного падежа со значением объекта).

Литература

Казкенова А. К. Мотивированность заимствованного слова (на материале современного русского языка) // Вопросы языкознания. 2003. № 5.

Русская грамматика: В 2 т. / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1980. Т. 1.

Скляревская — Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г. Н. Скляревской. М., 2008.

ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. Т. 11. М.; Л., 1962.

Улханов И. С. Мотивация в словообразовательной системе русского языка. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2010.

Някои прояви на утвърждаване на неологизмите в българския език¹

С. Колковска

Институт за български език — Българска академия на науките (София, България)

Неологизми, неолексеми, неосемеми, семантическа аналогия

Summary. The establishment and integration of neologisms in the lexical system of the language is accompanied by certain specific processes such as an inclusion in derivational relations (for lexical neologisms) or in the semantic derivation (for semantic neologisms). In the paper these processes of integration of different types of neologisms are analyzed on the material of Bulgarian new words and new meanings.

Известно е, че неологизмите представляват лексикални единици с интензивна динамика. Тяхната съдба след появата им в даден език е различна — или постепенно се утвърждават в лексикалната му система, или биват забравени и изчезват, като тези единици, които проявяват тенденция към закрепване и по-трайно установяване в езика, започват да се приобщават към лексикалната му система в рамките на един относително кратък период. И ако съдбата на един неологизъм зависи най-вече от екстралингвистични фактори (важност на назованата нова реалия, стилистични фактори и др.), то пътят му на утвърждаване в езика следва определени вътрешноезикови механизми. В редица случаи утвърждаващите се в езика нови думи или значения постепенно се обвързват словообразователно или семантично с други единици в лексикалната система. Възникването на такива връзки на неологизмите с други думи или семемеи е една от проявите на тяхното стабилизиране в езика като нови елементи на езиковата система.

Задачата, която си поставяме тук, е да разгледаме някои процеси, съпътстващи утвърждаването на неологизмите в българския език. Наблюдаването на тези процеси е възможно поради това, че неологизмите може да се причислят към описаните от Г. Нецименко единици с активна динамика, чието развитие и изменение става в рамките на един и същи хронологичен срез [Нецименко 2010: 120]. Обект на интерес представляват проявите на стабилизиране и интеграция в българския език както на лексикалните неологизми, така и на семантичните неологизми.

В статията ще разгледаме три типа процеси, наблюдавани при неологизмите в българския език, които може да се смятат за прояви на тяхното утвърждаване в езиковата система:

1. Създаване на деривационни връзки на лексикалния неологизъм с други лексеми в лексикалната система на българския език

Този процес се изразява в участие на лексикалния неологизъм в словообразователно гнездо, като е възможно той да стане основа на това гнездо или да се включи във вече съществуващо. Първият случай се наблюдава при неолексемата *охранител*, от която се образуват производните думи *охранителка*, *охранителски* и *охранителство*. Деривационни връзки, съпътстващи утвърждаването на нова дума в българския език, наблюдаваме и при заетата неолексема *диджей*, от която се създават производните образувания *диджейка*, *диджейски*, *диджейство* и *диджействам*.

Процесът на създаване на деривационни връзки на даден лексикален неологизъм обикновено е свързан с неговата комуникативна важност и същевременно представлява етап от стабилизирането му като нов елемент на лексикалната система. Този процес може да се съотнесе с един от елементите на *функционалния потенциал на иновациите*, въведен като понятие от Е. А. Карпиловска, който представлява един от началните регулатори на стабилизацията на иновациите в системата на съответния език [Карпиловска 2008].

2. Включване на семантични неологизъм или на лексикалния неологизъм в процесите на семантичен развой в българския език

В този случай семантичният неологизъм или лексикалният неологизъм (със своето значение) се включва в процесите на семантична деривация и става основа за възникване на вторично значение в българския език. В резултат на това новото значение се свързва с друга семема от семантичното пространство на езика, което спомага за стабилизацията ѝ в него.

Като пример за лексикален неологизъм в българския език, включен в процесите на семантична деривация, може да се посочи новата лексема *екшън* в нейното изходно значение 'Филм или книга с много динамично действие, рискови ситуации, преследвания, престрелки и др.', от което се развива преносно значение 'Конфликт, обикновено сбиване между лица, понякога свързано с преследване, престрелки и др.'

3. Възникване на съотносителни нови значения при думите от едно словообразователно гнездо

Обикновено този процес започва с развиване на ново значение на мотивиращата дума в дадено словообразователно гнездо, което стимулира възникването на съотносителни значения и при производните от нея думи. Такава семантична съотносителност наблюдаваме например между новото компютърно значение на същ. *вирус* и съответното ново значение на производното прил. име *вирусен* (реализирано в съчетания като *вирусна програма*, *вирусна атака*). В някои случаи появата на ново значение на мотивиращата дума се последва от развитието на паралелни значения при всички думи от словообразователното гнездо. Такъв е случаят при същ. *пират* с ново значение 'Лице или компания и под., което произвежда или разпространява някаква продукция незаконно' и съотносителните нови значения на производните му думи *пиратски*, *пиратство*, *пиратствам*.

Вследствие на развитието на съотносителни нови значения при думи от едно словообразователно гнездо всяка една от тези семантични иновации се свързва с други единици от семантичното пространство на езика и намира подкрепа в тях, което спомага за нейното стабилизиране в езика.

Развитието на съотносителни нови значения при думите от едно словообразователно гнездо е следствие от действието на семантичната аналогия (в едно от нейните проявления). Така се разкрива още един аспект на ролята на семантичната аналогия като вътрешноезиков фактор, подпомагащ утвърждаването на иновациите в езика.

Литература, източници

Нецименко 2010: Нецименко Г. П., Тенденция языковой экономики как фактор динамики литературной нормы // Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование. М., 2010. С. 116–133.

Карпиловска Е. А. Вплив іноваций на стабільність мовної системи: регулатори системної рівноваги // Динаміка та стабільність лексичних і словотвірних систем слов'янських мов. Київ. 2008. С. 3–22.

Пернишка Е., Благоева Д., Колковска С. Речник на новите думи в българския език (от края на XX и първото десетилетие на XXI в.). София, 2010.

¹ Изследването е проведено с частичната финансова подкрепа на Фонд „Научни изследвания“ на Република България, договор ДТК 02/52 от 2009 г.

Динаміка розвитку ойконімної системи Дніпропетровщини: словотвірний аспект

М. В. Надутенко

Національний університет «Києво-Могилянська академія» (Київ, Україна)

Ойконім, апелятивна основа, онімна основа, способи словотворення

Summary. The paper examines the dynamics of the oikonym system of Dnepropetrovsk region, the performance of the main ways of word formation in different historical periods is shown.

Дослідження словотвору ойконімії Дніпропетровського регіону належить до першочергових завдань сучасної української ономастики. **Актуальність даної роботи** полягає в тому, що на сьогодні одним із основних завдань славистів є укладання загальнослов'янського ономастичного атласу, який передбачає розгляд ономастичних явищ на хронологічних зрізах та ареальному рівні. Окреслені питання неодноразово виносилися на обговорення Міжнародного з'їзду славистів (1958–2008 рр.). Слов'янська топонімія — важливе джерело «живих» формантів та один із об'єктів реконструкції давніх словотворчих елементів, які часто зливаються з основними і утворюють складні морфеми, дослідження яких відкриває цікаві факти про загальнослов'янські мовні явища та процеси. Особливо цінними є назви давніх перейменованих та зниклих назв населених пунктів, напр.: *Касапе Топол* [Карта Боплана 1650]; уездный город *Новомосковскъ*, въ народѣ — *Самарь-городъ* [Лѣтопись 1904: 73]; *Войновка й Журовка (Войновъ Лукъ)* [Списокъ 1911: 8]; *Нехвороць* → город *Алексополь* [Словарь 1788: 23] та под. **Ойконімний простір Дніпропетровщини** за час свого багатотисячового розвитку формувалася під впливом постійних контактів із сусідніми і віддаленими мовами, що відбито в офіційному реєстрі назв населених пунктів та у відповідних історичних документах, які становлять джерельну базу дослідження. Завдяки своєму географічному розташуванню цей регіон здавна належав до числа залюднених, тому закономірно, що він зберігає у собі значні історичні відомості, які вагомо вплинули на формування загального історико-культурного процесу України.

Мета доповіді — проаналізувати динаміку розвитку ойконімної системи Дніпропетровщини на словотворчому рівні через призму взаємодії мов. Взаємодія різних народів і мов у процесі історичного розвитку Дніпропетровського регіону зумовила відсутність лише генетично однорідної пропріальної лексики.

Ойконімна система Дніпропетровщини має **типові моделі назв**, які визначають набір лексем і відповідних словотворчих елементів, обумовлених сукупністю мовних причин, історією та культурною традицією області. Відповідні типові особливості у формальній структурі топонімів нерідко спричиняють до виникнення **продуктивних моделей**, які використовуються для творення нових географічних назв та перейменування старих. Так, для порівняння, в українській мові для назв міст типові закінчення *-ськ, -цьк*: *Луцьк, Дніпропетровськ*), для сіл — закінчення *-ове, -зьке, -ське*: *Лугово, Запорізьке, Мар'янське* та ін., у російській мові для найменування міст типові закінчення *-ск, -цк*: *Бобруйск, Липецк*, для селищ та сіл (а відповідно і для міст, у котрі вони можуть перетворитися) — закінчення *-ово, -ево, -ское, -ки, -ино, -ье* (*Быково, Матвеевское, Петушки, Выхино, Запорожье*) [Ермолович: 267–269].

Окремо виділено нетипові топоніми юкстапозиту, які виникли оказіонально та вимагають не лише лінгвістичного, а й переважно екстралінгвістичного пояснення. Напр., на території України та зокрема на території Дніпропетровщини відмічені назви з імперативною формою дієслова: [Подольська: 15]: *Гуляй Поле* [Кат. повіт 1797]; *Гуляйполе* [АДТУ ДО 2007].

Назви населених пунктів Дніпропетровщини на різних хронологічних зрізах відбивають слов'янські та іншомовні апелятиви й онімні лексеми. Виникнення ойконімів відбувається за допомогою основних традиційних **способів словотворення**, які відомі іншим топонімним класам слов'янських мов:

1) **лексико-семантичний**: апелятив *стен* > с. *Стен* [АДТУ ДО 2007]; гідронім *Половица* > слобода *Половица* [Еварніцькій: 10] та под. Цей спосіб словотворення набув найбільшого поширення на початковому етапі формування

ойконімії регіону (у XVI–XVII ст. — 87% від загальної кількості ойконімів), однак у XXI ст. він становить лише 24%). Серед назв такого типу значну частину становлять ойконіми, які утворилися на російській лексико-словотвірній основі в умовах явища українсько-російського білінгвізму: *Звізда, Лісопитомник, Спокойствие* [АДТУ ДО 2007] та под. *Видсоток* іншомовних елементів у лексико-семантичних утвореннях досяг своєї максимальної фіксації у XVI–XVIII ст., натомість його кількість значно знижується в XIX–XX ст.

2) **морфологічний**: антропонім *Панас* > с. *Панасівка* [АДТУ ДО 2007]; гідронім *Оріль* [СГУ: 400] > с. *Заорілля* [АДТУ ДО 2007] та под. Даний спосіб словотворення є панівним в ойконімії Дніпропетровщини поч. XXI ст. (48% від загальної кількості сучасних ойконімів), має тривалу історію розвитку та характеризується значною кількістю різноманітних словотвірних моделей. Інвентар словотворчих ресурсів досить різноманітний, як з боку якісного, так і кількісного, питома вага певних суфіксів, префіксів та типів основ досить нерівномірна, загалом не виходить за рамки традиційного слов'янського словотвору.

3) **лексико-синтаксичний**: *Натальинъ Бережокъ* [Списокъ 1911: 8]; *Марьинъ Даръ* [ВТКР]; *Ново-Красноніль Другий* [АДТУ ДО 1947]; *Новий Посюлок* [АДТУ ДО 2007] та под. Аналіз варіантів засвідчив вищий ступінь стійкості словосполучень, опорними словами яких є апелятиви, частіше географічні терміни: *Високе Поле; Весела Дача* [АДТУ ДО 2007] та под. Відпадання прикметникового компонента у назва такого типу спостерігається рідко. До словосполучень, що втратили свою регулярність у сучасних ойконімах, належать назви хуторів типу: *Перевізькі Хутори* [АДТУ ДО 1947]. Нині вони вийшли із сфери офіційного вжитку і побутують лише як вузько локальні ойконіми або мікротопоніми (назви частин села). Пік творення таких ойконімів припадає на поч. XX ст. (49% назв від загальної кількості ойконімів XX ст.) У сучасній ойконімії такий спосіб творення становить 16 % від загальної кількості ойконімів.

4) **морфолого-синтаксичний (субстантивация)**: х. *Луговий* [АДТУ ДО 1947]; с. *Парне* [АДТУ ДО 2007] та под. Ойконіми такого типу виявляють досить високий ступінь словотвірної організованості, але виявляють низьку продуктивність у різні історичні періоди.

Розглянутий матеріал засвідчив динаміку основних способів словотворення ойконімів Дніпропетровщини, пов'язану зі зміною їхньої продуктивності у різні історичні періоди.

Література

- Ермолович Д. И. Имена собственные: теория и практика межязыковой передачи. М., 2005.
 Подольская Н. В. Типовые восточнославянские топоосновы. Словообразовательный анализ. М., 1983.
 Эварніцькій Д. И. Вольности запорожскихъ козаковъ. СПб., 1898.

Джерела

- АДТУ ДО 2007 — Адміністративно-територіальний поділ Дніпропетровської області станом на 01.01.2007.
 АДТУ ДО 1947 — Адміністративно-територіальний поділ Дніпропетровської області станом на 01.01.1947.
 ВТКР — Военная топографическая карта Российской империи (1869–1890 гг.).
 Кат. повіт 1797 — Карта повіту 1797. План Екатеринославскаго Уезда. Рукопис.
 Лѣтопись 1904 — Лѣтопись 1904 Екатеринославской Ученой архивной Комиссии. Екатеринославъ, 1904.
 Словарь 1788 — Новый и полный географический словарь Россійскаго государства, или лексиконъ. Часть I. М., 1788.
 СГУ — Словник гідронімів України / Ред. кол. А. П. Непокупний, О. С. Стрижак, К. К. Цілуйко. К., 1979.
 Списокъ 1911 — Списокъ 1911 населенныхъ мѣсть Новомосковскаго уѣзда Екатеринославской губерніи. Екатеринославъ, 1911.

О некоторых проявлениях конвергентности в современном славянском словообразовании

Г. П. Нешиченко

Институт славяноведения РАН (Москва, Россия)

Словообразование, конвергентность, языковая динамика

Summary. The report deals with the tendency of language convergency in the contemporary Slavic word-formation. The material presented in the report was mainly based on the author's observations.

К числу актуальных тенденций, отчетливо проявляющихся в современном славянском словообразовании, относится усиление **конвергентных** тенденций. Это особенно заметно во второй половине XX — начале XXI в. Немалую роль в этом играет сходство внешних импульсов, оказывающих стимулирующее воздействие на словопроизводственную динамику. Сказанное отчетливо проявляется в славянских языках, обладающих богатым и разнообразным инвентарем деривационных формантов, типов и способов словопроизводства. Наличие необходимых внутриязыковых ресурсов, достаточных для оптимального, к тому же весьма экономичного, удовлетворения номинационных потребностей социума, делает возможным не только обозначение новых реалий и понятий, но и адаптацию огромного потока заимствований, встраиваемых в систему воспринимающего языка.

Характерные для этого времени словообразовательные процессы в целом органично «вписываются» в деривационные традиции, однако протекают они не только более **динамично**, но и **однонаправленно**, приводя в конечном итоге к появлению в целом идентичных результатов. Это обусловливается не только типологической близостью славянских языков, но и мощным стимулирующим воздействием комплекса **сходных** факторов, вызывающих адекватную реакцию соответствующих языковых систем.

Среди упомянутых факторов наиболее важны для эволюции словообразовательных закономерностей следующие:

- произошедшая во второй половине XX в. смена нормативной основы литературного языка. Тексты художественной литературы утрачивают роль эталонного, нормотворческого фактора, уступив место текстам СМИ, обычно **устным**. В результате этого узус репрезентативного языкового употребления становится открытым для включения из повседневной непринужденной речи, из профессионального общения, сленгов и пр. Важную роль играет и возрастающее влияние языка Интернета, получившего ныне статус массового медийного языка.
- существенное возрастание объема информационного потока, а также скорости его прохождения по каналам коммуникативной связи. Это создало предпосылки для проявления языковой экономии, использования компактных, семантически емких номинаций.
- изменение норм речевого этикета и речевого поведения в сфере публичной коммуникации. Данное обстоятельство привело к возрастанию экспрессивности общения, проявлению заинтересованности в установлении обратной связи с адресатом, интерактивного контакта.

Языковой рефлексией упомянутых факторов стало изменение вербального стандарта в сфере репрезентативной публичной коммуникации. Что касается словопроизводства, то здесь заметно увеличение стилистического варьирования суффиксальных формантов, востребованным становится весь спектр оценочной лексики, в том числе деминутивов. Активизируется образование парных обозначений лиц женского пола, в том числе и в тех языках, где это регламентировалось действовавшей кодификацией. Наличие экспрессивного фона, а нередко и разговорного шлейфа, отмечается у целого ряда новообразований, относимых, например, к абстрактным существительным и т. п. Особую значимость приобретает создание компактных номинаций, в том числе универбов, заменяющих громоздкие описательные конструкции более компактными обозначениями, окачественными относительноными прилагательными, наречиями и пр. Сказанное способствовало снятию или же ослаблению

прежних ограничений при реализации целого ряда словообразовательных моделей, стимулировало формирование новых деривационных взаимосвязей, возрастание продуктивности как традиционных, так и новых схем и способов словопроизводства. Активизировалось и использование возможностей семантического словообразования, ограничивающего чрезмерное разрастание корпуса вербальных единиц и т. п.

Таким образом, именно использование средств словообразования и, прежде всего, суффиксальной деривации, способствовало удовлетворению возрастающих номинационных потребностей. Это проявлялось в возрастании продуктивности традиционных способов и типов словопроизводства, вовлечению в сферу словообразования новых производящих основ и формантов.

Наблюдаемая в славянских языках картина, невзирая на общее сходство, различается **масштабностью** и **темпом** своей реализации. Судя по данным нашей электронной картотеки, значительно возросли деривационные потенциалы и частотность употребления Nomina abstracta. Причем, если ранее это было характерно для **чешского** публичного узуса, то ныне это наблюдается и в узусе **русском** (обычно с экспрессивной окрашенностью); ср.: **вокзальность бытия**, его **перекресточность** (2003); **жизненные необходимости** (2000); **Увольнение связано с таким подонством** (1999); **делить детей и стариков по горбонности и черноволосости** (1999); **шизантусность** (1998); **каждый фильм просчитан на фестивальность** (1999); **мнимости жизни** (1999); **советскость и станиславскость — лучшие системы** (1999); **с ему присущими «силностями» и слабостями** (1999); **относительно спикерства** (2000); **проблема в недоговороспособности лидера** (2000); **Трудяга, это «трудяжничество» сродни монашескому подвигу** (2000); **без особой «подковерности»** (2000); **я бы не торопилась с оценкой блестящности операции** (2002); **Отрицательность имиджа** (1998); **«носительность» моделей** (1999) и др. См.: Nomina agentis, где также выделяется большой блок экспрессивно окрашенных новообразований; ср.: **Он стал хорошим выступальщиком** (2003); **ты как начинальщик недели** (2003); **нужно выявлять отмывальщиков денег** (2003); **среди аферистов есть и категории обещателей** (2002) и пр.

Что касается парных феминативов, то ранее их образование в русском литературном языке существенно ограничивалось, особенно у «статусных» обозначений (носителей титулов, званий и пр.) либо когда соответствующие профессии, род занятий, вид деятельности и пр., не был характерен для женщин. Подобная регламентация предусматривалась действующими кодификациями, а также речевым этикетом. Еще в большей степени это было характерно для польского литературного языка XX в., где после острой лингвистической дискуссии возобладали тенденции маскулинизации обозначений лиц. В чешском языке образование парных феминативов осуществляется практически парадигматически. Ныне, возможно, под влиянием разговорного узуса, образование парных феминативов в русском языке значительно активизировалось; ср.: **кураторша конкурса** (2006); **боевичка** (1997); **дискжокейша** (1998); **дискжокейша на ТВ** (1998); **бизнесменка, бизнесменша** (2002); **люди звали Курбику ваххабиткой, или просто ваххабкой** (2003); **галеристка** (2003); **диджейка или диджейша** (2003); **тинейджерка** (2002); **канцлерша Меркель** (2006); **продюсерша утреннего вещания** (2003); **снайперша** (2001); **имя**

смертницы (2003); *пиарщица* Мосводоканала (2003); *пред-принимательница* (1999); *предпринимательша* (2000) и мн. др.

Современный публичный стандарт допускает активное использование всего спектра оценочной лексики, особенно деминутивов. Ср. узус интерактивных, игровых передач:

- речь журналистов и гостей передач: *маленький каталожек* (2006); *маленькая интервьюешечка* (2005); *маленькая такая информашка* (2006); *есть еще рубричка* (2006); *сайттик* (2008); *Про наш скромный телеканалчик помолчим* (2003); *фотоаппараты с дисплейчиками* (2003); *такой маленький клипчик* (2004); *очередной сериальчик* (2002); *паузку сделаем* (2005); *будет такая ретроспективочка* (2003); *вначале у меня небольшое сообщенище*

(2003); *послушаем еще звоночек и посмотрим пейджерочек* (2002); *Я беру ручечку, карандашичек* (2000); *Наша радиостанция информативная, с небольшим музыкальным уклончиком* (2001); *Мы проиграем слушателям компактныи диски, компактненькие такие дисочки* (2002); *сейчас будет кратюсенькая информация* (1999). Ср. медицинские рекламы: (о лечебном воротнике) *Начнем в ремажорчике. Надеваем на шеечку. А что у нас там в черепочке?* (2004); *наша компания вышла на прямые поставочки* (2003); *с кровью получаем доставочку кислорода, чистит стеночку сосуда* (2007); *фотоаппараты с дисплейчиками* (2003) и т. д.

Таким образом, налицо постепенное сближение нормативных деривационных параметров славянских языков.

Прерывистые структуры в истории русского слово- и формообразования

Г. А. Николаев

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Структура слова, прерывистые форманты и основы

Summary. In the report dashed-line structures in Russian are considered: in the system of word-formation (confixal, interfexal and composit structures) and inflection (structures of compound numerals and synthetic forms of superlative). Cases of «the stiffened diachrony» and attempt of their synchronic interpretation are described.

Русское слово- и формообразование характеризуются показательным изоморфизмом. Он проявляется, в частности, в бинарности структуры форм словообразования и словоизменения. В том и другом случаях она включает две части: базовую и формантную. Обычно эти две части имеют непрерывную фонемную протяженность. В словоизменении (формообразовании) эти части называются основой и формообразующим показателем (окончанием, приставкой, суффиксом, постфиксом). В словообразовании — производящей (или мотивирующей) основой и словообразующим формантом. Термином «производящая основа» пользуются обычно при рассмотрении словообразования в историческом аспекте; термин «мотивирующая основа» применяется при синхроническом анализе словообразовательных форм.

В ходе словообразовательного анализа обнаруживается, что обе части структуры слов и форм могут иметь прерывистую фонемную протяженность. В словообразовании это наблюдается при так называемом префиксально-суффиксальном или префиксально-постфиксальном словопроизводстве (*за-реч-ный, под-окон-ник, в-любить-ся, в-кратц-е* и т. п.). В настоящее время существует две точки зрения на формантную часть подобных слов. Одни ученые считают, что здесь нужно выделять конфикс как прерывистую словообразовательную морфему (В. М. Марков и его казанские ученики, М. А. Габинский, П. П. Шуба и др.). Большинство ученых, стоящих на синхроническом подходе к фактам словообразования, выделяет здесь приставку и суффикс (или постфикс), присоединяющиеся к производящей основе одновременно. Но в данном случае эти разногласия не так важны: одна морфема составляет формант или две — в любом случае он имеет прерывистый характер. Правда, исторические и синхронические аргументы свидетельствуют о том, что здесь выделяется конфикс [Николаев 2009: 74–80]. В настоящее время назрела необходимость разработать типологию прерывистых словообразовательных формантов, так как под термином «конфикс» объединяются часто весьма разнородные структурные единицы.

Прерывистую структуру в словообразовании имеют сложные слова. При их анализе обычно говорят о том, что сложное слово включает в структуру две (или более) основы, соединительный гласный *о* или *е* и суффикс (например: *железн-о-дорож-ный, мор-е-плава-тель* и т. п.). В словах типа *пар-о-ход-Ъ* современными мыслящими дериватолами выделяют нулевой суффикс и отличают их от слов типа *лес-о-степь, сух-о-фрукты* и подобных, образованных с помощью интерфикса.

О прерывистости структуры сложных слов мы говорим из следующих соображений. Словосложение — это, наряду с

аффиксацией, разновидность морфологического (морфемного) способа словопроизводства. Следовательно, сложные производные образования должны иметь тоже бинарную структуру: словообразовательную базу и словообразовательный формант. Поскольку композит строится на базе словосочетания, его производящая база включает основы двух слов и, можно сказать, автоматически составляет прерывистую «производящую основу». Формант композита тоже имеет прерывистый характер. Условно можно назвать его трансфиксом. Прерывистую основу имеют и сложения с интерфиксом, непрерывистым формантом. Они представляют своеобразную оппозицию конфиксальным образованиям: здесь прерывистая основа и непрерывистый формант, там прерывистый формант и непрерывистая основа.

В формообразовании (словоизменении) тоже используются прерывистые структуры. В. В. Виноградов говорил об эквивалентности форм типа *най-важн-ейший, пре-добр-ейший* приставочно-суффиксальным формам в словообразовании [Виноградов 1975: 44–45]. Но от прошлого нам достались в наследство формы (так сказать, случаи «застывшей диахронии»), которые необходимо интерпретировать на основе современных структурных законов. Это сложные числительные типа *пятьдесят, триста*, которые при склонении обнаруживают весьма оригинальную структуру. Как пишут в школьных учебниках, у них склоняются обе части: *пят-и-десят-и, пяти-у-десят-у, тр-ем-ст-ам, тр-емя-ст-ами* и т. д. Исторически здесь все ясно: произошло сращение двух числительных (или числительного с существительным), которое не дошло до полной лексемной кондиции. И это характерно только для числительных. В других сращениях этого не наблюдается, хотя в древности имелись и такие сращения, как *путишествие, домачадеи, челомбитие* и подобные. Но они подверглись воздействию более мощных моделей морфемного словосложения и превратились в цельноформленные композиты. В сфере числительных не было соответствующих морфемных моделей.

Как же интерпретировать эти случаи с синхронических позиций? Исходя опять-таки из бинарности структуры слов и форм, мы должны выделять здесь прерывистую основу (*пят...десят...*) и прерывистое «окончание» (лучше: формант в системе словоизменения) — *...и...и*. Можно считать такую трактовку рабочим решением проблемы, которое предполагает и другие интерпретации.

Литература

- Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. Изд. 2-е. М., 1975.
Николаев Г. А. Лекции по русскому словообразованию. Казань, 2009.

Источники формирования и разновидности конкурентных групп в современном украинском языке

А. А. Таран

Черкасский национальный университет имени Б. Хмельницкого (Черкассы, Украина)

Summary. The paper is devoted to the problems of Modern Ukrainian neology, in particular, to the competition of nominations. On the basis of analysis of texts of Ukrainian mass-media the types of competitive nominations-variants and synonyms are determined, their formal semantic and functional-stylistic properties are defined.

Лексико-словообразовательные инновации в современном украинском литературном языке способны конкурировать между собой и с уже имеющимися номинациями. При определении сущности конкуренции следует исходить из явления параллельности различных по форме слов для обозначения общего объекта номинации. Современное языкознание пока не располагает общепринятой классификацией конкурентных номинаций, однако первые шаги в этом направлении уже сделаны [Карпіловська 2008]; [Остапчук 2006]; [Таран 2011]. Наблюдения над конкуренцией номинаций делают возможным выделить группы лексем-конкурентов по таким признакам входящих в них единиц:

1. Характер новизны в языке.

В состав конкурентных групп могут входить неосемантизмы, неозаимствования, новообразования и неографизмы; **неосемантизмы** определяем как новое значение в семантике уже существующего слова. Например, существительное *жовтизна* зафиксировано в СУМе как «Абстр. ім. до **жовтий**» [СУМ, II: 540], но сейчас оно появляется с новым значением, унаследованным от нового оценочного значения производящего прилагательного *жовтий*, называя понятие из сферы СМИ «ложная, искаженная информация». **Новообразования** обозначаем как слова, созданные в системе украинского языка по имеющимся словообразовательным образцам, напр.: *новомова*. **Неозаимствования** — новые слова иноязычного происхождения, адаптированные к системе украинского языка с помощью транскрибирования, или передачи звуковой формы его прототипа в языке-источнике, ср. *нюостік, римейк, сингл*, или транслитерации, или передачи графической формы такого прототипа, напр.: украинские соответствия английского слова *message* «сообщение»: *месидж, месэга*.

2. Источник формирования:

- **активизированная лексика (диалектная, историческая, устаревшая, редко употребляемая, стилистически окрашенная)** — активная: *стрільниця* : *тир, карний* : *штрафний* (майданчик), *підвалини* : *устрої, бування* : *життювання, здибанка* : *зустріч, пательня* : *сковорода* или активированные ныне *спільнота* : *суспільство*; *на киталт, на взір и на зразок; наразі и нині, поки що; відсоток* : *процент; навзаєм* : *взаємно, термін* : *строк*. Основными причинами активизации пассивной лексики являются изменения в общественном сознании носителей украинского языка. Повышение функциональной значимости лексем в современном языковом процессе происходит, как правило, в связи с новой функцией в жизни общества определенного понятия или явления.
- **литературное — жаргонное слово.** В профессиональной и молодежной речи особенно распространена конкуренция литературных и жаргонных или стилистически сниженных номинаций наподобие *депутат* : *парламентар* : *нардеп* : и *депутякало* : *політбрехайло* : *манкуртопарламентар, парламент* : *чварламент и бедламент, політик и чварлітик* и т. д. Группы номинаций-конкурентов, принадлежащих к различным функциональным стилям украинского языка, отражают спектр возможных стилистических оттенков номинации, оценочный ореол выраженного в них понятия, ср. такие стилистически нейтральные и торжественно-возвышенные, принадлежащие к высокому стилю речи наименования, как *керівник* : *чільник* : *зверхник* : *посадовець* : *високпосадовець* : *урядовець* : *достойник*.
- **исконное — заимствованное слово**, напр.: *визначити, окреслити, встановити* и *позиціонувати*; *унаявити, опрідметнити, уречевити* и *візуалізувати, винятковий* и

ексклюзивний, творчий и креативний, художній, мистецький (проект, колектив, керівник) и *арт-проект, арт-колектив, арт-керівник; керівник, управитель и менеджер* и т. д. Наиболее типичной формой реакции носителей языка на появление заимствований является возникновение национальноязыковых соответствий: происходят синонимические сближения — одновременно и освоение заимствований, и апробация собственных слов-неологизмов.

3. Степень устойчивости в лексиконе:

- те, что сохраняются, поддерживают постоянную вариантность и синонимию, напр.: *бізнесмен* и *бізнесовець*; *спортсмен* и *спортовець*;
- те, в которых определенные единицы блокирует современная языковая норма (преимущественно словообразовательная): *пикетувальник, пікетник* ≠ *пикетуючий*;
- те, в которых наблюдаем семантико-прагматическую и функционально-стилистическую дифференциацию конкурентов: *парламент* / *Верховна Рада* : *ВР* : *ВРУ* / *будинок під куполом* / *печерський пагорб*; *верховнорадівець* : *верховнорадець* : *ВРУшник, верховнорадівський* : *ВРУшний* тощо.

4. Формально-семантическая структура конкурентов:

- простые — сложные слова: *бубабіст* : *бубабізмоторець, міліціант* / *міліціант* : *правоохоронець, депутати* : *верховнорадівець* : *верховнорадівець* тощо;
- слова — словосочетания: *нюсмейкер* : *публічна людина, спікер* : *Голова Верховної Ради України, віце-спікер* : *заступник Голови Верховної Ради України, парламент* : *Верховна Рада*.

5. Тип смысловых отношений между конкурентами.

Изучение формально-семантического строения групп таких номинаций-конкурентов связано с решением проблем соотношения синонимии, полисемии и вариантности, в частности, графической, новой лексики.

Графические варианты отражают процессы освоения украинским языком новой лексики в письменной практике, изменения в написании отдельных номинаций: *УкрНетівці* : *укрнет'івці* : *укрнетівці*. Словообразовательные конкуренты рассматриваем как номинации, имеющие общую производящую основу, но различные словообразовательные форманты, которые могут вносить в семантику таких слов дополнительные смысловые компоненты, напр.: *податник* : *податківець*. Лексические синонимы проанализированы как слова с разными корнями, имеющие общее лексическое значение, но различные коннотации, сферы употребления или сочетаемость: *мобільний* : *сотовий* : *стільниковий* : *особовий*.

Широкий спектр конкурентных групп в современном украинском литературном языке объясняется новизной в языковом сознании украинцев обозначаемых ими понятий, а следовательно, поиском означающего, оптимального для выполнения нового не только когнитивного, но и коммуникативно-прагматического задания.

Литература

- Карпіловська С. А. Вплив інновацій на стабільність мовної системи: регулятори системної рівноваги // Мовознавство. 2008. № 2–3. С. 148–158.
- Остапчук О. А. Языковое варьирование как фактор внутренней динамики в современном украинском языке: уровни и способы манифестации // Глобализация — этнизация: этнокультурные и этноязыковые процессы: В 2 кн. / Отв. ред. Г. П. Нешименко. М., 2006. С. 210–238.
- СУМ — Словник української мови: В 11-и т. / Ред. кол.: І. К. Білодід (голова) та ін. К., 1970–1980.
- Таран А. А. Конкурування номінацій у сучасній українській мові: тенденції стабілізації нової лексики: Монографія. Черкаси, 2011.

Словообразование сленгизмов

Л. В. Эглит

Казахский национальный педагогический университет имени Абая (Алматы, Казахстан)

*Сленгообразование, сленгизм, продуктивные / непродуктивные словообразовательные модели***Summary.** The report says particular issues of derivational morphology in youth language (slang creation).

В своё время Г. О. Винокур в статье «Футуристы — строители языка» писал о необходимости «не только учиться языку, но и делать язык, не только организовывать элементы языка, но и изобретать новые связи между этими элементами», современные строители языка — поколение нового тысячелетия — весьма изобретательно воплощают данные пожелания в жизнь, реализуя в сленготворчестве свои лингвокреативные способности.

Большинство сленгизмов создаются по правилам существующих в языке деривационных процессов и подчиняются структурным закономерностям, заключённым в системе. Образованные по действующим словообразовательным схемам они входят в открытые словообразовательные ряды.

В структурно-семантическом облике сленгизмов эксплицитно содержится маркированный признак молодёжной субкультуры — образно-ассоциативные связи с узусом, выражающиеся, прежде всего, в использовании продуктивных и малопродуктивных словообразовательных моделей при сленгообразовании. Например, сленгизм *сексоголик* создан по типу *алкоголик*, *трудоголик*; *униксоид* (пользователь оперативной системы UNIX) по типу *гуманоид*; *се-тяне*, *чатлане* — по модели *земляне*; *убазаривать* — *уговаривать*.

Возникая по аналогии, сленгизм с самого начала задан системой кодифицированного языка и, в большинстве своём, повторяет узуальные словообразовательные парадигмы. Кроме того, большинство субстандартных единиц молодёжной речи, «строаясь из социального запаса наличных знаков», обусловлено ближайшей социальной ситуацией, прежде всего, ожидаемым воздействием на адресата речи.

Данные ряда исследователей-дериватологов, полученные в ходе работы с различным фактическим материалом, в том числе и наши собственные, показывают, что как в узуальном словообразовании, так и в сленгообразовании производные мотивированные основы обладают меньшим словообразовательным потенциалом по сравнению с непроизводными немотивированными основами, поскольку слова с осложнённой формантой основой содержат меньше разнообразных признаков, чем слова с простой морфологической структурой. Это является свидетельством того, что в их семантике меньше вероятностных признаков, логически выводимых из основных, т. е. меньше потенциальных сем. Тот же факт, что производные по своему составу сленгизмы достаточно активно вовлекаются в процесс сленгообразования, свидетельствует о том, что эти слова содержат в своей семантике нереализованные семы, которые, вследствие возникновения новых моделей, актуализируются в последующих дериватах. Таким образом, словообразовательная валентность производного сленгизма, выступающего в качестве производящей основы, обусловлена значением этой единицы в совокупности сигнификативного и словообразовательных аспектов, денотативный же аспект значения в силу его непонятного характера не оказывает влияния на валентностные свойства слова, например: *сдринчаться*, *сдружбаниться*, *скорефаниться*. Нельзя не отметить и то, что основы с продуктивными суффиксами характеризуются высокой степенью словообразовательной валентности, они способны сочетаться с целым рядом различных аффиксов, например: *затусованный*, *затуфтить*, *затухнуть*. Кроме того, от них образуются многоаффиксные производные, ещё один частный случай прогрессирующей в языке и сленге тенденции к экономии языковых усилий, продуктивность же аффикса обусловли-

вается не только его способностью к образованию новых слов, но и его возможностями, допускающими дальнейшее суффиксальное наращение: *митинг* ('встреча') — *митинговаться*, *смитингнуться*. Производящая основа представляет объективную предпосылку, потенциальную возможность выражения актуального смысла. Реализуются же эти возможности посредством различных аффиксов, компонентов словосложения, а также в результате различных морфонологических процессов.

Наряду с активной реализацией уже существующих в языке средств, когда образование ряда сленгизмов идёт путём сознательного комбинирования известных морфем по имеющимся образцам, в сленге происходит переосмысление, трансформация привычных форм. Так, велика доля сленгизмов, возникших в результате семантической деривации. Одни из таких единиц легко утрачивают основанную на ассоциациях связь с производящим мотивирующим словом, если эта связь не поддерживается определёнными ситуациями в микросоциуме, другие намеренно сохраняют её, при этом происходит либо расширение, либо сужение исходного значения: *трупозить* — 1) 'скупать'; 2) 'спать'; *замануха* — 1) 'девушка лёгкого поведения'; 2) 'игровой аппарат'; *лифт* — 'бывший отличник'; *уголовники* — 'студенты, условно сдавшие экзамены'.

Заметное место в сленге занимают производные сленгизмы, в которых связь с производящим словом прямая, так как они возникли не на базе вторичного номинанта, а на базе производящего-сленгизма, которое, в свою очередь, является продуктом семантической деривации и, как сам дериват, омонимично узуальному слову: *насти* — 'следить за кем-то' — *настух* — 'следающий за кем-то'; *грузить* — 'неоднократно приставать к людям со своими проблемами' — *грузовик* — 'тот, кто пристаёт ко всем со своими проблемами'; *стрелка* — 'встреча, свидание' — *застрелиться* — 'назначить встречу, свидание'. На базе вторичных номинантов образуются и оригинальные производные сленгизмы, возникшие по непродуктивным словообразовательным моделям, например: *дырка* — 'дверь, ворота' — *дыркак* — 'вратарь'; *ныкаться* — 'прятаться' — *нычок* — 'укромное место'; *точить* — 'принимать пищу' — *точиво* — 'еда'.

Как видим, на месте привычных языковых единиц молодёжь стремится создать слова и сочетания слов более насыщенные по смыслу и эмоциональной нагрузке. Необычная, иногда шокирующая форма сленгизмов лишь усиливает их своеобразие. Достаточно же высокая активность словообразовательных процессов в сленге определяется, прежде всего, широкой возможностью создавать новые сленгизмы из уже имеющегося материала, а также возможностью акцентировать новые признаки в производных, образованных от общеупотребительных слов. В то же самое время сленготворчество — это своеобразные словообразовательные эксперименты, которые апробируются в живой речи.

Таким образом, сленготворчество — это своеобразные словообразовательные эксперименты, апробирующиеся в живой речи, изучение которого перспективно по ряду веских причин, а главное потому, что оно отражает и репрезентирует конкретный период развития языка, инновационные процессы, происходящие в нём, а также степень адаптации современного молодого человека в обществе.

Литература

Винокур Г. О. Футуристы — строители языка // Филологические исследования: лингвистика и поэтика. М., 1990. С. 17.

Компрессивно-стилистическая деривация в русском языке начала XXI века Янь Юй

КНР — Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Стилистическая деривация, компрессивная деривация, универбация, актуальная лексика XXI века

Summary. The paper deals with essential tendencies of development peculiar to the system of Russian stylistic derivatives in the beginning of XXI century.

Современной теорией словообразования разграничен целый ряд основных функций деривационных средств: номинативная, конструктивная, компрессивная, экспрессивная, стилистическая и др., при этом каждая из указанных функций словообразования отражает различия в коммуникативных установках говорящего [Земская 2007: 8–9]. В докладе анализируются продуктивные тенденции реализации **стилистической** коммуникативной установки говорящего, которая ориентирована на то, чтобы образовать производное слово, «соответствующее той или иной сфере речи, т. е. согласовать свой способ выражения с определенной сферой речи, областью общения» [Земская 2007: 8]; ср. общеупотребительные, стилистически нейтральный дериват *взвесить* и стилистически маркированный дериват из профессиональной речи торговых работников *завесить* (спец.); ср. также: *пятиэтажный дом* (общеупотр.) → *пятиэтажка* (разг.), *лиса* (нейтр.) → *лисица* (книжн.) и т. п. (примеры Е. А. Земской).

Стилистическая деривация занимает особое, очень важное место в системе русского словообразования. Однако вопросы образования стилистических дериватов и тенденции развития системы современных русских стилистических дериватов недостаточно хорошо изучены в специальной литературе, особенно на материале так называемой «актуальной» лексики начала XXI века, под которой принято понимать «ту часть лексического состава современного русского языка, в которой нашли отражение наиболее существенные и очевидные языковые процессы последних годов XX — начала XXI в., оказавшие влияние на становление русского языка и на языковое сознание его носителей» [ТСА 2008: 6].

Анализ словника [ТСА 2008] показал, что значительная часть производных слов со стилистическими пометами на самом деле не принадлежит сфере стилистической деривации, так как их стилистическая маркированность унаследована ими от производящего (поэтому стилистические пометы производящего и производного совпадают), а не появилась в результате словообразовательного акта, благодаря присоединению словообразовательного форманта. Так, в словообразовательной паре *авангардизм* (иск.) ‘авангардное искусство’ ← *авангард1.1* ‘противоп. *арьергард*’, производное слово безусловно входит в сферу стилистической деривации. Напротив, в словообразовательной паре *аутентист* (муз.) ‘сторонник аутентизма’ ← *аутентизм* (муз.), производящее и производное слово имеет одну и ту же стилистическую помету, поэтому стилистически производное слово, строго говоря, не относится к числу стилистических дериватов.

Стилистическая деривация может быть представлена как «чистом» виде» (ср. *пятиэтажка*, *лисица* и т. п.), так и в сочетании с другими видами деривации — номинативной, экспрессивной, компрессивной и конструктивной: *аппаратчик* (разг.) ← *аппарат* (офици.) ‘органы центрального или местного управления; совокупность сотрудников таких органов’, номинативная + стилистическая деривация; *атипичка* (мед. разг.) ← *атипичная пневмония* (мед.), номинативная + компрессивная + стилистическая + экспрессивная деривация. В данном докладе специально рассмотрению подвергаются производные слова, принадлежащие актуальной лексике начала XXI в. (по данным [ТСА 2008], а также СМИ и Интернета) и объединяющие как минимум два вида деривации: стилистической и компрессивной. Как известно, компрессивная деривация реализуется в том случае, если говорящий хочет «произвести более краткую номинацию» по сравнению с производящей базой: *сокращенка* ← *сокращенная дорога* [Земская 2007: 9].

В числе «актуальных» дериватов начала XXI века можно обнаружить много примеров контаминации двух указанных видов деривации. При этом многие из них подобных дериватов могут быть отнесены к числу универбов. В настоящее время распространены два понимания универбации: узкое и широкое. Языковой материал показывает, что более правомерно широкое понимание универбации, согласно которому универбы являются результатом не только отадеквативной (по форме) компрессивной суффиксации (*зачетная книжка* → *зачетка* [Тихонов 2008: 655–656]), но и аббревиации (*старший помощник* → *старпом*), сложения (*нефтяная скважина* → *нефтескважина*), а также субстантивации (*выходной день* → *выходной*) [Лопатин 1997: 577], ср. [Земская 2007: 8]. Как показывает анализ актуальной лексики начала XXI века, многие из типов универбов стилистически маркированы, т. е. совмещают признаки компрессивной и стилистической деривации.

Можно разграничить два вида стилистической универбации — аффиксальную (осуществляемую с использованием различных суффиксальных словообразовательных формантов) и неаффиксальную.

Аффиксальные универбы разделяются по ряду продуктивных словообразовательных типов, к которым относятся: тип отадеквативных (по форме) универбов-существительных с суффиксом *-к(а)* (*автогражданин* разг. ← *обязательное страхование автогражданской ответственности*), тип отадеквативных (по форме) универбов-существительных с суффиксом *-ик* (*альтернативник*, разг. ← *военнослужащий, проходящий альтернативную службу*), тип отадеквативных (по форме) универбов-существительных с суффиксом *-щик* (*альтернативщик*, разг.), тип отадеквативных (по форме) универбов-существительных с нулевым словообразовательным суффиксом (*антивирус*, информ. ← *антивирусная программа*), а также тип отсубстантивных (по форме) универбов-существительных с суффиксом *-ец* (*афганец* разг. ← *участник военных действий в Афганистане 1979–1989 гг.*).

Неаффиксальные универбы образуются способом субстантивации (*бедные, богатые; бело-голубые*, жарг. ‘о спортсменах команды клуба «Динамо», о самом клубе’), универбативному сложению (*биодобавки*, мед. ← *биологически активные добавки*) и аббревиации (*АЯ*, уфол. ← *аномальное явление*).

Таким образом, можно делать вывод, что изучение явления компрессивно-стилистической деривации на материале актуальной лексики позволяет расширить круг продуктивных словообразовательных типов, которые необходимо учитывать при формировании общих представлений о системе стилистических дериватов современного русского языка. Одним из результатов нашего исследования является вывод о тесной связи универбации со стилистической деривацией: универбы являются как правило стилистическими дериватами, тогда как в рамках иных видов компрессивной деривации (*юг, запад* → *юго-запад* и др.) лишь 71,4% словообразовательных типов, включающих стилистически маркированные слова, относятся к стилистической деривации в указанном выше строгом понимании данного вида деривации.

Литература

- Земская Е. А. Словообразование как деятельность. Изд. 3-е. М., 2007.
Лопатин В. В. Универбация // Русский язык: Энциклопедия / Отв. ред. Ю. Н. Караулов. М., 1997.
Тихонов А. Н. Универбация // Русский язык: Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Т. 1. М., 2008.
ТСА — Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г. Н. Складерской. М., 2008.